

Герман и Тамара Рыльские

Полтава и ее деды

Герман и Тамара Рильские

КИСЛОРОД

МОСКВА
2023

*1919 год от Рождества Христова, декабрь
Священное королевство Рейнмарк, город Марбах*

Каждую осень с приходом дождей Смолокурная улица превращалась в непроходимое болото. Когда очередной бедолага оставлял в липкой глине обувь, из окон выглядывали зеваки — поглазеть, как он будет сыпать проклятиями, прыгая на одной ноге. 1919 год — Гретель Блок тогда исполнилось двадцать четыре — выдался особенно дождливым, и кое-кто из старожилов начал поговаривать, что все закончится очередным разливом Зальц-Ахена. Преподобный Дельбрук не упустил случая напомнить, что стихийные бедствия посылаются людям в наказание за грехи, и призвал прихожан активнее покупать индульгенции. Река, впрочем, так и не разлилась. А в ночь с тридцатого ноября на первое декабря ударил мороз, сковав русло Зальц-Ахена, а заодно и хлюпающее месиво, уже три месяца досаждавшее обитателям Смолокурной улицы. Снег шел не переставая, преобразив мрачноватые окраины, как пудра преобразяет лицо трупа.

Рано утром безмолвие улицы было нарушено урчанием мотора. И хотя водитель сбросил скорость до минимальной, серый готлибваген нещадно качался и подпрыгивал на колдобинах, припорошенных снегом. Машина остановилась возле последнего дома на Смолокурной. Дальше начинался пустырь, сейчас будто бы залитый жидким серебром. Заснеженная пустошь, над которой этим утром висела странная синеватая дымка, упиралась в щербатую стену Либкухенвальда. Древний лес, о котором ходило множество пугающих слухов, сейчас не казался зловещим или

неприветливым. Впрочем, тех жителей Марбаха, у кого Либкухенвальд забрал ребенка, этот зимний наряд не смог бы обмануть. Погребальные саваны, как известно, тоже белого цвета.

Мотор замолчал, и на рабочей окраине вновь воцарилась тишина. Распахнув дверцу, из машины вышел высокий мужчина в черном пальто, шляпе и длинном шарфе. Его элегантные лакированные туфли явно не предназначались для прогулок по улицам наподобие Смолокурной: сделав шаг, молодой франт по колено провалился в снег. Чертыхнувшись, он подобрал полы пальто и побрел к дому.

На двери не было кнокера, и гость постучал кулаком. Спустя полминуты створка приоткрылась, и на пороге возникла худощавая светловолосая фройляйн. Взгляд ее голубых глаз был прямым, выражение лица — не слишком приветливым. Посмотрев на молодого человека, она привстала на цыпочки и бросила взгляд ему через плечо, на припаркованный у дома готлибгаген.

— Здравствуйте, — сказала она наконец. — Чем обязана?

— Здравствуйте! — Гость приподнял шляпу. — Меня зовут Конрад Ленц, я работаю в газете «Королевские ведомости». А вы, наверное, Гретель Блок?

— Да, это я. — Девушка поморщилась. — И мне придется вас огорчить. Я не общаюсь с журналистами.

— Раньше общались. — Ленц улыбнулся так, словно Гретель только что пригласила его войти и отведать свежеспеченного штруделя.

Улыбка у журналиста была открытая и располагающая, и девушка подумала, что он, вероятно, репетировал ее перед зеркалом.

— Раньше общалась и пожалела об этом, — сказала Гретель, закрывая дверь. — До свидания!

— Подождите. — Ленц придержал створку. — Речь не о какой-то идиотской статье, за которую заплатят пару мо-

нет! Речь о книге! Если мы с вами договоримся, гарантирую, что на этот дом прольется дождь из королевских марок!

— Что-то я сомневаюсь, — буркнула Гретель, пытаясь закрыть дверь.

Ленц створку не пускал, при этом с его лица не сходила профессиональная улыбка.

— А вы поверьте! Я понимаю, журналисты испортили вам немало крови. Из-за статей, которые печатали, в том числе и в моей газете, у вас были проблемы. Но я пришел к вам не как журналист.

— А как кто? — фыркнула Гретель. — Как разносчик молока? Что-то я не вижу бутылок!

— Как писатель. И да будет вам известно, первая книга принесла мне гонорар в миллион королевских марок.

— Вранье. — Гретель перестала давить на дверь.

— Вам показать выписку с банковского счета? — Ленц усмехнулся. — Я, в принципе, могу. Хотя хочется верить, что мои честные глаза служат достаточной гарантией!

Гретель колебалась. Ей не хотелось ворошить прошлое, но Ленц назвал невероятную по меркам Марбаха сумму.

— Из-за таких, как вы, я стала посмешищем в собственном городе. Вы знаете, что меня считают сумасшедшей?

— Я не могу отвечать за действия своих коллег. У вас личные счета с газетчиками, но, повторюсь, я пришел сюда не как журналист.

Гретель ничего не ответила, лишь поджала губы.

— Ну что вы теряете, в конце концов? — развел руками Ленц. — Все, что я прошу у вас для начала, — это разговор. Если вам не понравится мое предложение, пошлете меня ко всем чертям! Кстати... какая кондитерская лучшая в городе?

— «Марбахские сласти». — Гретель приподняла одну бровь. — А что?

— Там подают глинтвейн?

— Разумеется.

— Я угощу вас глинтвейном и десертом. А вы меня выслушаете.

— И если я решу, что ваше предложение мне неинтересно, вы оставите меня в покое?

— Клянусь честью! — воскликнул Ленц и, оглядевшись, добавил: — Фройляйн Блок, только гляньте, какое чудесное утро! Грех сидеть в четырех стенах, когда приятный молодой человек предлагает вам прогулку, глинтвейн и десерт!

Девушка усмехнулась:

— Ладно уж, уговорили. Ждите в машине! Предупрежу брата и выйду.

Гретель появилась из дома спустя пятнадцать минут. На ней была подбитая мехом куртка, уже далеко не новая, и вязанный берет. Журналист тут же выскочил из автомобиля и открыл девушке дверь.

— Поехали, — сказал он, садясь рядом. — В «Марбахские сласти»!

Гретель нарочно назвала докучливому журналисту самую дорогую кондитерскую города, расположенную на Марбах-плац, прямо напротив ратуши. «Пусть угощает, раз ему платят по миллиону королевских марок за книжку», — размышляла девушка, поглядывая в окно на заснеженные улицы.

В детстве Гензель и Гретель — дети простого лесоруба — не могли позволить себе покупать конфеты в «Марбахских сластях». С годами ничего не изменилось. Пожалуй, стало даже хуже, чем раньше. Мальчишкой Гензель хотя бы помогал отцу и находил небольшие подработки в городе. Сейчас он по понятным причинам не мог работать, и Томас Блок остался единственным добытчиком в семье. Поэтому речь о миллионе королевских марок подействовала на Гретель, как дудочка крысолова на детей Гамельна.

В 1919 году Марбах оставался глухой провинцией, такой же, как и сто, и двести лет назад. Поезда сюда ходили не каждый день, службы такси не существовало. Гретель ре-

шила, что Конрад Ленц приехал ночным поездом в Альпенбах, соседний с Марбахом город, и там нанял машину. Хотя водитель был не местный, девушка опасалась, что журналист начнет говорить при нем о делах. Впрочем, во время поездки Ленц ограничивался общими, ничего не значащими фразами: «Какой милый городок!»; «После столицы Марбах — это просто бальзам на душу!»; «Решено — выйду на пенсию, поселюсь в таком вот городе, на окраине леса...».

Попетляв по улицам, автомобиль вырулил на Марбах-плац. С одной стороны круглой площади возвышался собор Святого Генриха, с другой — ратуша, а посередине — чумной столб. Несколько дворников сгребали снег в большие кучи, шурша лопатами по гранитной брусчатке. Под их любопытными взглядами готлибваген остановился возле кондитерской.

Витрину «Марбахских сладостей» украшали еловые ветви, стеклянные шары и пучки омелы. В центре стояли ясли с младенцем, Мария, Иосиф и три волхва в роскошных одеждах. Все это великолепие было сделано из цветной кондитерской мастики. В детстве Гензель и Гретель могли часами стоять здесь, разглядывая леденцы, конфеты и пряники, пока хозяин лавки не терял терпение и не выскакивал на улицу с венником. Став двадцатичетырехлетней девушкой, Гретель Блок по-прежнему робела, увидев в витрине лысую голову и полосатый передник сурового кондитера.

Конрад Ленц первым вышел из машины, открыл Гретель дверцу и подал руку. Потом распахнул дверь кондитерской, откуда повеяло теплым ароматным воздухом.

Вдоль стен возвышались полки, забитые коробками с пастилой, зефиром и конфетами. В стеклянных витринах красовались торты, от одного вида которых у Гретель потекли слюнки. Слева располагался прилавок, а справа — столики, сидя за которыми посетители могли отведать упомянутые торты. Впрочем, в этот час здесь не было никого, кроме Ко-

прада и Гретель. На звук колокольчика из-за прилавка вышел хозяин — толстяк с маленькими глазками и угодливым выражением лица. Увидев в двери Гретель, он сморщился так, словно обнаружил в коробке с лучшими конфетами дохлую мышь. «Марбахские сласти» обслуживали богатых клиентов; попрошайкам, оборванцам и обитателям окраин здесь были не рады.

Из-за спины Гретель возник Конрад Ленц.

— Милейший, приготовь-ка нам два глинтвейна! — воскликнул он, снимая шляпу и скидывая пальто. — И подай фройляйн кусочек своего лучшего торта!

Толстяк удивленно моргнул, нацепил дежурную улыбочку и кинулся выполнять заказ. Тем временем Конрад и Гретель заняли столик у витрины. На молодом человеке был коричневый костюм-тройка и атласный галстук, цепочка карманных часов отливала золотом. Для обычного писаки, пусть и работающего в столичной газете, он выглядел слишком уж респектабельно. Гретель подумала, что, рассказывая о гонораре за первую книгу, он, возможно, не врал.

— Чудесное местечко, — произнес Ленц, оглядываясь. — У вас имеется вкус!

— Да, завтракаю здесь чуть ли не каждый день. — Гретель закатила глаза. — Итак, я вас внимательно слушаю.

— Сразу к делу? — усмехнулся журналист. — Уважаю!

Он потянулся к пальто, достал из внутреннего кармана книгу и положил перед Гретель. Автора звали Конрад Р. Ленц, а сама книга называлась «Крысоловка для убийцы из Гамельна». Ниже шел подзаголовок, набранный более мелким шрифтом: «Расследование загадочных происшествий, имевших место в городе Гамельне». Обложку украшала иллюстрация — одетый в пестрые одежды дудочник, за которым тянулась вереница детей.

— Слышали историю о Гамельнском крысолове?

— Все ее слышали, — пожала плечами Гретель. — После Альпенбаха Гамельн — наш ближайший сосед.

— Городу досаждали крысы, — произнес Ленц, откидываясь на спинку стула. — И вот однажды объявился дудочник, который пообещал избавить Гамельн от этой напасти. И не просто пообещал, а избавил. Вот только бургомистр не захотел раскошелиться, и тогда крысолов решил отомстить. Он похитил детей Гамельна, которые шли, зачарованные звуком его дудочки.

— Говорю же, я знаю эту историю, — сказала Гретель. — Вы позвали меня, чтобы обсудить городские легенды?

— А вы знали, что среди похищенных детей был один мальчишка, хромым от рождения? — спросил Ленц, подавшись вперед. Его изящные, явно не привыкшие к простому труду пальцы легли на обложку. — Как и остальные, он поддавался чарам крысолова. Но, как ни старался, не мог идти вровень с другими детьми. Он отстал и только поэтому спасся.

— Нет, этого я не знала, — покачала головой Гретель, не вполне понимая, к чему ведет журналист.

— Я разыскал этого мальчишку. Ему, кстати, сейчас уже семьдесят. Он стал моим главным свидетелем, бесценным источником информации о том странном происшествии. В своей книге я убедительно доказал, что убийца детей из Гамельна...

— Кто? — выдохнула Гретель.

— Ну уж нет, если скажу, вам будет неинтересно читать, — рассмеялся Ленц. — А я надеюсь, вы примете в подарок эту книгу — она, кстати, уже подписана — и прочитаете ее.

— Спасибо, — кивнула девушка.

— Впрочем, сейчас совершенно неважно, кто и зачем похитил детей Гамельна. Важно, что мой информатор получил обещанные ему двадцать процентов от продаж книги. Хватит на безбедное существование, как считаете?

Гретель взяла в руки «Крысоловку для убийцы из Гамельна», покрутила в руках. На задней обложке красовался портрет Ленца — бесспорное свидетельство, что он не морочил ей голову.

— Признаться, когда я писал эту книгу, то еще не знал, какой фурор она произведет, — беззаботным тоном произнес журналист. — И что, обещая своему информатору двадцать процентов, я обеспечиваю его старость.

— Что вы хотите от меня? — спросила Гретель, уже примерно понимая, о чем пойдет речь.

— Станьте моим хромым мальчиком! — произнес Ленц. А потом театральным жестом хлопнул себя по лбу и добавил: — Господи боже, что я несу! Станьте моей прекрасной девочкой! Нет, не так — моей прекрасной фройляйн, моим источником вдохновения!

В этот момент появился хозяин «Марбахских сладостей» с подносом. Он поставил перед гостями пару высоких стаканов с глинтвейном и тарелку с кусочком торта «Захер». Над горячим вином поднимался аромат корицы и гвоздики, а с торта стекал густой шоколад. Подождав, пока кондитер удалится, Гретель произнесла:

— Если хотите повторить успех, написав книгу о марбахском убийце, поищите другого информатора. Я ничего не помню о тех событиях.

— Мне не нужен другой информатор. — Ленц покачал головой. — Тем более что другого информатора просто нет. За все эти годы вы и Гензель — единственные, кто сумел вернуться из Либкухенвальда. Но ваш брат, к сожалению, с тех пор не сказал ни слова. Так что согласитесь — выбор у меня невелик!

— Я же объясняю...

— Я знаю все, что вы собираетесь сказать, — отмахнулся Ленц. — Но вы понятия не имеете, что хочу сказать я. Поэтому — прошу! — отдайте должное этому чудесному тарту и просто послушайте.

Несколько секунд Гретель сверлила Конрада Ленца колючим взглядом. Его снисходительный тон бесил, но на кону стояла огромная сумма. Решив подыграть самовлюбленному

журналисту, девушка взяла ложечку и отправила в рот кусок «Захера».

Убедившись, что Гретель готова слушать, Ленц произнес:

— Готовясь к нашей встрече, я ознакомился с тем, что писали об этом деле мои коллеги из «Королевских ведомостей» и других газет. Марбахский убийца орудует уже много лет и, похоже, не собирается останавливаться. Это самый успешный и кровавый маньяк в истории. Только однажды он совершил ошибку. Когда десять лет назад упустил вас, Гретель, и вашего брата. Если не ошибаюсь, вам тогда было четырнадцать, а Гензелю — тринадцать...

Гретель кивнула. Конрад Ленц отхлебнул глинтвейна и произнес:

— Казалось бы, у полиции появилась зацепка. Но нет! После пережитого Гензель ушел в себя. А вы...

— А я ничего не помнила, — вставила Гретель.

— Вот и нет. Газеты писали о странных историях, которые рассказывала маленькая Гретель Блок. Журналистам очень нравилось пересказывать страшилки, которыми вы с ними делились.

— Зря я не держала язык за зубами! — Девушка поморщилась так, словно в куске шоколадного десерта ей попался жгучий перец. — Из-за этих историй меня до сих пор считают городской сумасшедшей.

— В какой-то момент вы спохватились и начали говорить, что ничего не помните, — кивнул Ленц. — Но было поздно. Правда уже просочилась на страницы газет.

— Правда? — переспросила Гретель. — Вы же читали эти статьи. Разве это похоже на правду?

— Я уверен, что вы никогда не лгали и тем более не придумывали, чтобы привлечь к себе внимание прессы. Вот моя теория. В лесу вы с Гензелем столкнулись с чем-то ужасным. С убийцей детей, от которого едва спаслись. Правда была настолько чудовищна, настолько разрушительна, что ваш

разум едва мог ее вынести. И, чтобы уберечь вас, заменил реальные образы сказочными.

— Что-что? — Гретель отложила ложку. — Вы хотите сказать, я сумасшедшая?

— Боже упаси! — всплеснул руками Ленц. — Сумасшествие здесь вообще ни при чем! Вы слышали о такой науке — психологии?

— Разумеется. Вы думаете, я живу в лесу среди диких зверей?

— Нет, ничего такого я не говорил. Однако здесь, на окраине королевства, действительно нет специалистов в этой области. Психологи изучают разум человека и его феномены. Они вообще не занимаются душевнобольными, это поприще психиатров. И вот тут мы подходим к самому главному...

Ленц выдержал драматическую паузу. Гретель ждала.

— В столице у меня есть отличный специалист, доктор Фонберг, — произнес молодой человек. — Он готов поработать с вами. Вместе мы сможем разобраться, что произошло в Либкухенвальде десять лет назад. И, возможно, поможем полиции найти монстра, который до сих пор убивает детей. Что скажете, фройляйн Блок?

— Ничего не выйдет. — Гретель покачала головой. — Очень жаль, но я не ваш хромой мальчик.

— Это уж позвольте решать мне! Я верю в успех этой затеи, и доктор Фонберг тоже в него верит. Правда будет восстановлена, больше никто не посмеет назвать вас лгуньей или сумасшедшей. И не забывайте о деньгах, которые вас ждут в случае успеха. Огромных деньгах! Двадцать процентов от прибыли.

— Пятьдесят процентов.

Ленц на мгновение опешил. А потом рассмеялся, хлопнув по столу так, что звякнула лежавшая на тарелке ложечка.

— Мы уже торгуемся? Но минуту назад вы сказали, что ничего не выйдет!

— Да, у меня есть причины так думать. Но я готова попробовать. Как мы будем действовать?

— Для начала поедем в Риттердорф. Вы не были в столице? Клянусь, вам понравится! Там вы проведете какое-то время, консультируясь с доктором Фонбергом. Втроем мы попытаемся докопаться до истины, узнать, что на самом деле произошло в ту ночь с вами и Гензелем.

— А если мы не узнаем? Книга все равно выйдет?

— Гретель, почему вы так скептически настроены? Доктор Фонберг — настоящая звезда психологии!

— Потому что я говорила журналистам чистую правду. — Гретель взяла ложку и приняласьковырять кусочек торта. — Не было никакого убийцы, и, если ваш доктор хоть чего-то стоит, он это поймет. В ту ночь меня и Гензеля... похитили бесы.

Узнать больше о книге
вы можете на нашем сайте

Полную версию книги вы можете
приобрести на OZON и WILDBERRIES

Присоединяйтесь к Кислороду, чтобы быть
в курсе самых свежих новинок и анонсов!

